

УДК 94(470.621)»1920/...»
ББК 63.1(2Рос.Ады)64
Ш 98

Р.М. Шхачемуков,

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79529832887, e-mail: shkhachemukov@mail.ru

РАЗВИТИЕ КРАЕВЕДЕНИЯ В АДЫГЕЕ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

(Рецензирована)

Аннотация. В статье анализируется процесс развития краеведения в Адыгее в 20-е годы XX века как начальный этап становления исторического знания о регионе. Внимание концентрируется на создании краеведческих обществ, инициативных организаций, занимающихся накоплением и осмыслением историко-этнографических материалов.

Ключевые слова: краеведение, Адыгея, историческое знание, развитие, краеведческие общества, краеведы, источники.

R.M. Shkhachemukov,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of National History, Historiography, Theory and Methodology of History, the Adyghe State University, Maikop, ph.: +79529832887, e-mail: shkhachemukov@mail.ru

DEVELOPMENT OF STUDY OF LOCAL LORE IN ADYGHEA IN THE 1920S

Abstract. An analysis is made of the development of study of local lore in Adyghea in the 1920s as the initial stage of shaping historical knowledge about the region. The attention focuses on creation of local history societies, the initiative organizations which were engaged in accumulation and elucidation of historical and ethnographic materials.

Keywords: study of local lore, Adyghea, historical knowledge, development, local history societies, local historians, sources.

20-е годы XX века представляют особый этап развития исторического знания в Адыгее. Именно в это время осознается значение традиции местных историописаний, происходит развитие исторического краеведения. Все более настойчиво ставился вопрос об актуальности, срочности и неотложности изучения истории и этнографии народов Адыгеи: на смену отдельным энтузиастам пришли научные центры,

которые были ориентированы как на изучение истории северокавказских народов в целом, так и истории адыгов.

В течение первого послереволюционного десятилетия в результате усилий, предпринятых краеведческими организациями и отдельными энтузиастами, в Адыгее была проделана значимая организационная, научно-исследовательская работа в области адыгской истории и

этнографии, налажены постоянные контакты и сотрудничество с рядом научных и краеведческих организаций, таких как Российская академия наук, Российская академия истории материальной культуры, Музей народоведения, Всесоюзная научная ассоциация востоковедения, Комитет по изучению этнических культур. При этом важно отметить, что положение по разработке планов работы этих научных центров в Адыгее рассматривалось как составная часть историографического процесса в национальных образованиях региона.

Особую роль в консолидации имевшихся «научных сил» Адыгеи сыграло созданное в 1924 г. в Краснодаре Общество изучения Адыгейской автономной области (ОИ-ААО). Согласно принятому Уставу, утвержденному в ноябре 1924 г., Общество «имело целью всестороннее исследование и изучение Адыгейской области в естественно-историческом, культурно-бытовом и хозяйственно-экономическом отношениях, объединение лиц, научно работающих в этом направлении, а также научную разработку относящихся к этой области вопросов, распространение соответствующих сведений и пробуждение интересов к задачам Общества в общественной среде...» [1].

Членами Общества стали как деятели, уже имевшие опыт написания работ по истории и культуре адыгов – С.Х. Сиюхов, И.А. Наврузов, Д.А. Ашхамаф, К. Мишуриев, Ш.И. Кубов, Ч.Т. Пшунелов, А. Чамоков, И.С. Цей, так и представители широкой общественности Адыгеи: учителя, врачи, работники различных организаций, студенческая молодежь. Особенно значимой была роль С.Х. Сиюхова, возглавлявшего в 20-е гг. отдел народного образования Адыгейского областного исполнительного комитета. Он не только проводил основную организационную и научно-методическую работу,

вел заседания Правления и общие собрания Общества, но и подготовил несколько важных сообщений: «О планах и методах предстоящей работы Общества», «Об археологических исследованиях профессора А.А. Миллера в Адыгее», «О черкесских богатырях – нартах» [2]. Сохранились, к сожалению, лишь сокращенные версии стенограммы этих и других выступлений С.Х. Сиюхова, тем не менее, они позволяют воссоздать направленность и характер проводимой работы.

На всем протяжении своей деятельности (1924-1929 гг.) особое внимание члены Общества уделяли вопросам изучения истории адыгов, их культуры и быта, популяризации научных знаний среди населения не только области, но и региона в целом, вопросу сохранения памятников материальной и духовной культуры. Во многом благодаря деятельности Общества были организованы фольклорно-этнографические экспедиции по местам расселения адыгов, собраны и систематизированы памятники устного народного творчества, предметы бытовой культуры, традиционные орудия труда, оружие, ювелирные украшения. Эти памятники материальной культуры положили начало первым экспозициям созданного при Обществе историко-этнографического музея.

Члены Общества принимали участие в археологических и этнографических экспедициях, проводившихся в Адыгее Академией наук и другими центральными и региональными научными учреждениями Москвы, Ленинграда, Краснодара, в которых участвовали такие известные в научном мире исследователи Кавказа, как профессор Л.Н. Генко, Б.М. Городецкий, А.Н. Грен, Н.Ф. Яковлев, Л.А. Миллер. Общими усилиями удалось собрать и систематизировать значительный полевой фольклорно-этнографический материал, создать солидную источниковедческую

базу для исследований по истории, осуществить два выпуска информационных отчетов о проделанной работе.

Несмотря на все более проявляющуюся идеологизацию исторической науки, стало возможным переиздание ряда трудов дореволюционных авторов по истории и этнографии адыгов и Кавказа. Вышли в свет «Черкесы» Н. Дубровина, «Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750-1762 гг.» М. Пейсона в изложении Е.Д. Фелицына, «Кавказские горцы» Я. Абрамова, «Черкесия» Л. Люлье, «Последний год войны Черкесии за независимость. 1863-1864 гг.» А. Фонвила [3]. На Северном Кавказе это была первая крупная акция по возвращению научного наследия «дворянско-буржуазной историографии».

Деятельность Общества способствовала пониманию значимости сохранения исторических памятников старины как национального достояния. В периодической печати и отдельными оттисками публиковались воззвания и обращения к населению с призывами содействовать охране памятников культуры, методические указания по их сохранению. Более того, утверждалось мнение, что развитие краеведения может стать основой для подъема экономики и культуры. В статье Г. Кесаева «Краеведение и народное образование в автономных областях Северо-Кавказского края» ставился вопрос о связи краеведения не только с развитием образования, но и с созданием национальной экономики, подготовкой кадров квалифицированных специалистов [4]. Высканые автором статьи положения о взаимосвязи краеведческих знаний с первостепенными задачами экономического и культурного развития придавали изысканиям в этой сфере особый прагматический смысл, поддерживали идею, что накопленный народами исторический опыт позволит в кратчайшие сроки

пройти сложный путь преодоления экономической и культурной отсталости.

Говоря о начальном этапе становлении в Адыгее исторической науки, необходимо отметить деятельность таких учреждений и организаций, как редакционно-издательская комиссия областного отдела народного образования, Архивное бюро, областная государственная плановая комиссия, областное отделение комиссии Истпарта (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б) занималась сбором, научной обработкой и изданием материалов по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции – Р.Ш.).

К середине 1920-х гг. остро встал вопрос о необходимости создания обобщающего труда по истории Адыгеи. В производственный план издания общественно-политической литературы редакционно-издательской комиссии вошел историко-этнографический труд с рабочими названиями «История черкесов», «Адыгея», «Адыгейская автономная область» [5], затем включенный в издательский план Северо-Кавказского отделения центрального издательства народов СССР. Утверждалось мнение, что именно развитие краеведческого движения способно обеспечить источниковую базу для создания исторических исследований.

Широкое обращение исследователей к историческому прошлому народов в значительной степени объясняется имеющимся опытом их научной разработки в дореволюционное время. При этом нельзя исключать влияние процесса «пробуждения» духовных сил народов, повышение национального самосознания. Конечно, изучение историко-этнографических проблем не давало немедленного «практического выхода», но именно они в дальнейшем стали базой, фундаментом для развития важнейших направлений научного адыговедения. Обращаясь к

явлениям, характерным для состояния исторического знания в первые послереволюционные годы, нельзя не отметить публикации, отражавшие направленность политического влияния на общественную жизнь.

Помимо национальных краеведческих организаций существовала и другая организация – Общество любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО), деятельность которой накладывалась на работу областной краеведческой организации в силу общности территориальной, исторической, социально-экономической и т.д. С момента создания ОЛИКО (1897 г.) сотрудники (а их было более 100 человек, в основном учителя, чиновники, представители войсковой администрации, священнослужители, деятели культуры, врачи, инженеры – Р.Ш.) изучили довольно широкий спектр вопросов, касавшихся археологии, этнографии, военной и гражданской истории Кубани. В периодическом издании организации – «Известия ОЛИКО», наряду с работами кубанских краеведов, касавшихся истории адыгов, публиковались и статьи адыгских авторов [6], посвященные историко-бытовым вопросам, а также проблемам народного образования в Адыгейской области [7].

Размах научных исследований членов ОЛИКО тормозился неопределенностью, аморфностью внутренней структуры общества. Приоритетными направлениями считались археология, этнография (в основном горских народов – Р.Ш.), история (преимущественно казачества – Р.Ш.), экономика, библиография (особенно после приезда в Екатеринодар в 1904 г. Б.М. Городецкого – Р.Ш.), но они так и не получили, за редким исключением, организационного оформления в виде комиссий, секций, кружков и т.п. Создававшиеся комиссии носили временный характер, вопрос о секциях только ставился. Ф.А. Щербина пытался придать коллективный характер работам

по изучению фольклора, но и эту идею осуществить не удалось.

Несмотря на существующую кадровую проблему, все более осознавалась необходимость создания обобщающего труда по истории Адыгеи. Ученый секретарь Общества изучения Адыгейской (Черкесской) области Г.Я. Крыжановский в статье «Вопросы краеведения в Адыгее» подчеркивал: «Полная история адыгейского народа еще не написана... Необходима большая, широкая и разнообразная краеведческая работа...» [8].

В ноябре 1925 г. было проведено специальное совещание Адыгейского областного исполкома по вопросу написания истории области, на котором была определена структура, авторский коллектив: из «активных работников, сведущих в вопросах, которые должны быть освещены в проектируемой книге...» [9]. Именно С.Х. Сиюхов, «один из видных знатоков края» [10], и профессор Б.М. Городецкий, известный кубанский краевед и библиограф, стали «главными исполнителями» существенного для своего времени труда – «Адыгея: историко-этнологический и культурно-экономический очерк», изданного в начале 1927 года в серии «Республики и области СССР».

Этот очерк стал одним из первых опытов серьезной работы по обследованию национальных образований края. Благодаря его изданию в письменной традиции закреплялись представления о хронологических границах и объеме исторической памяти адыгов с древнейших времен до создания автономии. Несмотря на небольшой формат очерков, авторам удалось выделить главные проблемы адыгской истории: происхождение народа, социальная (племенная) структура, миграционные процессы, сословное и классовое деление, отношения с Россией, колонизация Черкесии, выселение адыгов в Турцию, судьба адыгов на родине.

При создании очерка пришло осознание трудностей реконструкции истории адыгов, учитывая ограниченность «верных и неоспоримых фактов». Все же, буквально по крупицам, удалось восстановить мозаичное полотно адыгской истории, более того, провести историко-ведческий анализ имеющихся свидетельств. Так, обращаясь к античным сочинениям (Геродот, Ксенофонт, Страбон и др.), авторы отмечали, что имеющиеся исторические сведения «не могут пролить достаточного света на судьбу и историю черкесов в далеком прошлом».

Выход в свет этого обобщающего труда можно считать определенной точкой отсчета, с которой связано развитие адыгской историографии. В ней были поставлены проблемы, сохранившие значение и в наши дни: «изучающий и пишущий историю черкесов должен идти уже достаточно испытанными и надежными научными путями и пользоваться более совершенными методами» [11]. По постановке проблем, пониманию характера и структуры исторического исследования «Очерки» выглядят более обстоятельно по сравнению с последующими работами 30-х гг.

К 10-летию юбилею Октябрьской революции была опубликована работа Я.Н. Раенко-Туранского по истории Адыгеи [12]. Кратко изложив социально-экономическую и политическую историю адыгов дореволюционного периода, автор, имевший непосредственное отношение к Кубанскому бюро Истпарта (Научно-исследовательское учреждение, занимавшееся сбором, хранением, научной обработкой и публикацией материалов по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции – Р.Ш.), более подробно изложил события гражданской войны и советского строительства в Адыгее.

Издание данной работы отразило новое явление в процессе развития исторического знания: влияние

утверждавшейся классовой идеологии и марксистской методологии. Крайней нетерпимостью отличаются взгляды Я.Н. Раенко-Туранского на трагические события Гражданской войны на Кубани и в Адыгее. Фактически он выступает апологетом беспощадного красного террора против врагов новой власти. Этот подход все более закреплялся в различных публикациях. В первое послереволюционное десятилетие, в дни революционных юбилеев в местной печати появлялось довольно много материалов, представлявших собой воспоминания участников и очевидцев Гражданской войны в Адыгее и на Юге России, которые стали важной источниковой базой для местной историографии в последующее время.

Наряду с созданием обобщающих трудов и началом разработки проблем революционной истории, актуальность стали приобретать вопросы, связанные с изучением проблем культуры, и, в частности, народного образования. Появились первые публикации, ориентированные на решение образовательных и просветительских задач. В 1925 г. Д. Ашхамафом была составлена «Краткая история первобытной культуры», предназначенная работникам просвещения. В нее вошли некоторые сюжеты из жизни адыгов. В 1926 г. А. Хатановым издана «Книга для чтения после букваря для взрослых», включавшая сведения по новой и новейшей истории адыгов. Учитывая потребности школьного краеведения, была издана серия учебной и методической литературы.

Происходило осознание того, что без решения базовых вопросов, таких как создание письменности, невозможно решать не только проблемы народного образования, но и культурного подъема в целом. В 1925 г. Д.А. Ашхамафом было составлено пособие на родном языке «Краткая история первобытной культуры», предназначенная

работникам просвещения [13]. Отдельные материалы историко-этнографического плана вошли в «Книгу для чтения после букваря для взрослых» А.А. Хатанова, изданную в 1926 г.

Проведенное в крае учетное анкетирование исследовательских институтов, научно-краеведческих обществ, музеев, бюро краеведения свидетельствовало о складывании оригинальной, достаточно разветвленной системы научно-исследовательских учреждений, действовавших в национальных областях. При этом экспедиционное изучение края осуществлялось не только в рамках деятельности научно-исследовательских центров, но и созданными «на местах» краеведческими организациями, а нередко и просто грамотными адыгами. Достаточно широко ставился вопрос о привлечении студентов к экспедиционной и краеведческой работе. Этим путем предполагалось расширить сферу участия национальной интеллигенции в изучении истории, экономики и культуры края. В результате развернувшейся исследовательской работы заполнялись лакуны коллективных воспоминаний, придавая им более целостный характер и, в конечном итоге, «историчность».

Одним из важных показателей эффективности работы научно-исследовательских институтов стала характеристика их издательской деятельности. В 1927 г. в регионе издавалось 23 научных журнала и сборника научных трудов [14], ставших наиболее действенными каналами культурно-просветительской информации. Заметным явлением культурной жизни стало издание «Бюллетеня Северо-Кавказского бюро краеведения» [15]. Неоднократно зарубежные университеты и институты (Кельна, Парижа, Будапешта и др.) обращались с просьбой о присылке им литературы, опубликованной на языках народов Северного Кавказа [16].

Несмотря на достигнутые успехи, все более остро осознавалось, что развитие краеведческой, да и издательской, деятельности осложняется ограниченностью «научных туземных сил» [17]. Преодолеть сложившуюся ситуацию пытались путем направления молодежи в различные вузы страны для подготовки собственных научных кадров. С этой же целью предлагалось открыть в Кубанском педагогическом институте кафедру черкесоведения под руководством С.Х. Сиюхова. Эта идея буквально витала в воздухе, в частности Н.Ф. Яковлев считал возможным создать кафедру черкесоведения в одном из вузов Москвы [18]. Эти факты красноречиво свидетельствуют о весьма напряженном поиске оптимальных мер по организации краеведения и научно-исследовательской работы.

В то же время настойчиво ставился вопрос об актуальности, срочности и неотложности исторического и этнографического изучения народов Северного Кавказа. «У огромного числа освободившихся после Октября народов, – писал С.Х. Сиюхов, – помимо отсутствия письменности, литературы, есть еще и другое несчастье, – это отсутствие писанной истории. Мало этого. У них нет и источников, по которым можно было бы восстановить картины своего исторического пути, своей многообразной жизни». При таких условиях неизмеримо возрастало значение изучения и сохранения памятников материальной и духовной культуры «для истории, для науки, а самое главное – для практического использования при новом культурном строительстве» [19].

В ходе усиления напора прагматизации краеведческие организации все больше теряли «облик» традиционных научных центров. Идеология науки теперь определялась качественно новыми принципами, которые предусматривали практическую направленность

проводимых исследований, их подчиненность задачам социалистического строительства. На первое место выдвигалась проблема вовлечения научных организаций в разработку вопросов «местного хозяйственного и культурного значения». Именно на этой «почве» мыслилось установление делового сотрудничества научных центров с властью.

В 1929 г. был создан Адыгейский научно-исследовательский институт краеведения. Организация институтов краеведения рассматривалась как важнейший шаг «в области выявления и разработки элементов национальной культуры...» [20]. В Положении о его деятельности приоритетное значение отводилось естественно-экономическим и социально-культурным исследованиям. Развитие этих направлений науки не мыслилось без учета возможностей практического использования полученных результатов, удовлетворения потребности области в этих знаниях и возможностей их популяризации [21].

В то же время стоит отметить негативное влияние усиливающейся в последующие годы политизации научной деятельности. Преследование наиболее инициативных,

самостоятельно мыслящих и широко образованных краеведов на рубеже 1920-1930-х гг. (когда их деятельность связали с фальсифицированным «делом» о монархическом заговоре академиков-историков – Р.Ш.), попытка массового привлечения к научной деятельности новых кадров по признаку «социального происхождения» привели к отрыву краеведения от «большой науки» (академической и университетской), к его дискредитации в общественном мнении [22].

Говоря о состоянии исторического знания в Адыгее в 20-е гг. XX в., важно отметить «переходность» данного этапа: с одной стороны, активно развивались и поддерживались традиции инициативных исследований местных краеведов; в то время как с другой – предпринимались меры к установлению контроля за направленностью проводимых исследований, путем создания обществ, комиссий и в целом усиления участия советских органов в планировании, целевой направленности публикаций, что, в конечном счете, определяло поворот от истории адыгов к написанию истории Адыгейской автономной области как многонационального образования.

Примечания:

1. Учредительный съезд Северо-Кавказской горской краеведческой ассоциации. Пятигорск, 1924. С. 6.
2. Там же. С. 8.
3. Дубровин Н. Черкесы. Краснодар, 1927. С. 28-33; Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750-1762 гг. М. Пейсонеля в изложении Е.Д. Фелицына. Краснодар, 1927. С. 13-48; Абрамов Я. Кавказские горцы. Краснодар, 1927. 47 с.; Люлье Л. Черкесия. Краснодар, 1927. 49 с.; Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость. 1863-1864 гг. Краснодар, 1927. 395 с.
4. Бюллетень Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института. Ростов н/Д, 1927. Июнь, № 1. С. 16-19.
5. НАРА Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 17. Лл. 9, 64, 65.
6. Сиюхов С.Б. Черкесы-Адыге: историко-бытовой набросок // ИОЛИКО. Краснодар, 1922. Вып. 7. 24 с.; Цей И.С. Кожа: очерк из быта адыгейцев // Там же. Краснодар, 1925. Вып. 9. С. 162-166; Сиухов С. Положение народного образования в Адыгейской области в 1924 году // ИОЛИКО. Краснодар, 1925. Вып. 9. 19 с.
7. Городецкий Б. Борьба русских с черкесами: библиограф. набросок // Бюллетень ОЛИКО. Екатеринодар, 1914. Вып. 2. С. 37-89; Архангелов Н.А. Реки на территории Адыгейско-Черкесской области // ИОЛИКО. Краснодар, 1924. Вып.

- 8; Устав Общества изучения Адыгейской автономной области // ИОЛИКО. Краснодар, 1925. Вып. 9.
8. Советская Адыгея. Бюллетень. Краснодар, 1925. Вып. 1. С. 57-58.
 9. Вопросы краеведения в А(Ч)АО. Краснодар, 1926. С. 17.
 10. Там же. С. 2.
 11. Там же. С. 37.
 12. Раенко-Туранский Я.Н. Адыгея до и после Октября. Краснодар, 1927.
 13. Алиев У. Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д, 1926. С. 29.
 14. Научные работники и научные учреждения Северо-Кавказского края. С. 83-84.
 15. Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. Ростов н/Д, 1926-1927.
 16. Алиев У. Книгоиздательское дело на национальных языках Северного Кавказа // Записки СК КГНИИ. 1928. Т. 1. С. 233.
 17. НАРА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1. Л. 328.
 18. Сиюхов С.Х. Из эпистолярного наследия // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 1998. Вып. 1. С. 197.
 19. Сиюхов С. Неотложная задача // Революция и горец. 1930. № 3. С. 77-78.
 20. Хасиев А.П. Хозяйственное и социально-культурное строительство Северной Осетии. (По материалам Осплана). Владикавказ, 1928. С. 53.
 21. НАРА. Ф. Р-1127. Оп. 1. Д. 278. Л. 207.
 22. Шмидт С.О. Без краеведения нет России! // Мир библиографии. 1999. № 1. С. 3.

References:

1. The founding congress of the North Caucasian highlanders' local history association. Pyatigorsk. 1924. P. 6.
2. Ibid. P. 8.
3. Dubrovin N. Circassians. Krasnodar. 1927. P. 28-33; Study of the trade on the Circassian-Abkhazian Black Sea coast in 1750-1762. M. Peysonelya as presented by E.D. Felitsyn. Krasnodar, 1927. P. 13-48; Abramov Ya. Caucasian highlanders. Krasnodar, 1927. 47 pp.; Lulyer L. Cherkessia. Krasnodar, 1927. 49 pp.; Fontveille A. The last year of the war for the independence of Circassia. 1863-1864. Krasnodar, 1927. 395 pp.
4. Bulletin of the North Caucasian Regional Highland Research Institute. Rostov-on-Don. June, 1927. No. 1. P. 16-19.
5. NARA F. P-1. Op. 1. D. 17. Ll. 9, 64, 65.
6. Siyukhov S.B. Circassians-Adyghe: Historic and everyday sketch // IOLIKO. Iss. 7. Krasnodar, 1922. 24 pp.; Tsey I.S. Leather: Sketch on Adyghe's life // Ibid. Iss. 9. Krasnodar, 1925. P. 162-166; Siyukhov S. Situation of public education in Adygheya region in 1924 // IOLIKO. Iss. 9. Krasnodar, 1925. 19 pp.
7. Gorodetsky B. Fight of Russian with Circassians [Bibliographic sketch] // OLIKO Bulletin. Iss. 2. Ekaterinodar, 1914. P. 37-89; Arkhangelov N.A. River in the territory of Adyghe-Cherkess region // IOLIKO. Iss. 8. Krasnodar, 1924; Statute of the Society for the Study of Adyghe Autonomous Region // IOLIKO. Iss. 9. Krasnodar, 1925.
8. The Soviet Adygheya. Bulletin. Krasnodar, 1925. Iss. 1. P. 57-58.
9. Problems of Local History in A (Ch)AO. Krasnodar, 1926. 17 pp.
10. Ibid. P. 2.
11. Ibid. P. 37.
12. Raenko-Turansky Ya.N. Adygheya before and after the October Revolution. Krasnodar 1927.
13. Aliev U. The national problem and national culture in the North Caucasus region. Rostov-on-Don., 1926. 29 pp.

14. Scientific workers and scientific institutions of the North Caucasus region. P. 83-84.
15. Bulletin of the North Caucasus Bureau of regional studies. Rostov-on-Don, 1926-1927.
16. Aliev U. Publishing in national languages of the North Caucasus // Notes of SK KGNII. 1928. Vol. 1. P. 233.
17. NARA. F. R-21. Op. 1. D. 1. L. 328.
18. Siyukhov S.Kh. The epistolary heritage // ASU Bulletin. Maikop, 1998. Iss. 1. P. 197.
19. Siyukhov S. An urgent task // Revolution and a highlander. 1930. No. 3. P. 77-78.
20. Khasiev A.P. The economic and socio-cultural development of North Ossetia. (According to Osplan). Vladikavkaz, 1928. 53 pp.
21. NARA. F. R-1127. Op. 1. D. 278. L. 207.
22. Schmidt S.O. There is no Russia without local history! // The world of bibliography. 1999. No. 1. P. 3.